

АЛАНСКАЯ ЦАРСКАЯ ДИНАСТИЯ В НАРТИАДЕ (ПРОБЛЕМА СТАДИАЛЬНОСТИ ЭПОПЕИ)

Т.К. Салбиев

В статье предлагается добавить к двум традиционно выделяемым этапам исторического развития Нартиады еще один третий, предполагая, что наряду с родоплеменным и военно-демократическим в своей эволюции она проходит еще и через феодальный этап. С общефольклорной точки зрения они будут соответствовать трем следующим фазам: разрозненные сказания; циклы, образуемые вокруг главных героев; гиперциклизация / целостная эпопея. В результате получают иную интерпретацию не только сюжеты и мотивы эпопеи, представленные в ней персонажи, но и ее общее содержание, а также в ином свете предстает ее прагматика, то есть место и роль в традиционной культуре в целом. Основой для пересмотра общепринятой точки зрения является пока еще в полной мере не оцененное сообщение «Хронографа» (груз. «Жамтаагмцерели») – «Столетней летописи» XIV в. Содержащееся в памятнике отождествление аланской правящей династии с эпическим воинским родом Ахсартагата позволяет рассматривать Нартиаду как своего рода «Книгу царей». Эпической фигурой, совместившей в своем образе мифологического и исторического царя, следует считать нарта Челахсартага. С одной стороны в его имени распознается связь с родоначальником воинского рода Ахсартага, представляющего мифологическую эпоху. С другой стороны, он носит титул исторического средневекового правителя Ас-Тархана. Благодаря имени его дочери (Бедуха), которое может рассматриваться как просторечный вариант имени Бурдухан, он может быть отождествлен с аланским царем XII в. Худданом. Сама эпопея в этом случае могла бы рассматриваться как средство легитимизации аланской правящей, то есть исторической, династии на власть. Участие царской династии в событиях эпопеи обеспечивало ей преемственную связь с мифологической эпохой, что и давало ей необходимое идеологическое обоснование господствующего положения в обществе.

Ключевые слова: нартовская эпопея, стадийность, аланская царская династия, феодальный этап, исторический прототип, основное содержание, легитимизация.

The article advances a proposition to add a third feudal stage to the two traditionally distinguished stages of the historical development of the Narts' epic, suggesting that alongside with the tribal and military-democratic stages of its evolution it goes through the feudal one as well. From a point of view of general folklore, these will correspond to the following three phases: scattered legends – cycles formed around the main characters – hypercyclization / complete epics. As a result, not only the plots and motifs of the epic, the characters represented in it, but also its general content are reconsidered, its pragmatics, i. e., its place and role in traditional culture as a whole are seen in a different light. The basis for the review of the generally accepted theory is a passage from the so-called "Chronograph" (Georgian "Zhamtaagmcereli"), or the "Hundred Year Anniversary" of the XIV century. The identification of the Alanian ruling dynasty with the epic military lineage of Axsærtæggatæ the mentioned work contains makes it possible to consider the Nart epic as a kind of "Book of Kings". From this point of view, Nart Čelæxsærtæg should be regarded as a hero, in whose image the traits of mythological and historical kin are interwoven. On the one hand, his name recognizes the link with the ancestor of the military family Axsærtæg, representing the mythological era. On the other hand, he holds the title of the historical medieval ruler As-Tarxan. Thanks to the name of his daughter (Bedukha), which can be considered as a vernacular version of the name Burdukhan, he can be identified as Khuddan, the Alanian king of the XIIth c. In this case, the epic itself could be considered as a means of legitimizing the Alan ruling, that is, historical dynasty of power, which thus provided

its continuity with the mythological epoch, giving it the necessary ideological basis for the dominant position in the society.

Keywords: *Narts' epic, stages of development, Alanian ruling dynasty, feudal stage, historical prototype, main content, legitimization.*

Одним из параметров, различаемых исследователями Нартиады, является стадильность, отражающая представление об этапах ее исторической эволюции и достигнутом ею в результате этого процесса уровне развития. Обычно при описании этого параметра разграничивают два взаимосвязанных и взаимообусловленных аспекта, общая результирующая которых позволяет определить его основные характеристики. Речь идет о филологическом (фольклорном и языковом), а также историческом (этнографическом, социальном, археологическом и идеологическом) аспектах эпопеи. До сих пор он считался хотя и важным, но далеко не первостепенным по своей значимости, поскольку представлялось, что его свойства лежали на поверхности и потому были надежно установлены однажды и навсегда, так что не могло идти и речи о том, чтобы подвергнуть их сомнению.

Однако подобное положение, казавшееся незыблемым, перестало быть таковым после того, как в конце прошлого века в научный оборот было введено свидетельство грузинской средневековой хроники, согласно которому аланская царская династия XIII в. н.э. отождествляла себя с эпическим воинским родом Ахсартагата. Хотя это свидетельство не осталось незамеченным исследователями, оно все еще не оценено в полной мере, как того, безусловно, заслуживает. Весьма вероятно, что это сообщение свидетельствует о государственном этапе в развитии Нартиады, который пока еще не признается исследователями. Представляется, что признание этого этапа неизбежно привело

бы к пересмотру устоявшегося в осетиноведении подходу к решению проблемы стадильности, как и всего комплекса производных от нее вопросов.

В результате стало очевидно, что стадильность является параметром, основополагающим для методологии изучения эпоса. Оказалось, что в прямой зависимости от его трактовки обычно – в явной или неявной форме – оказывается не только понимание сюжетов, мотивов и образов эпоса, но также формируется суждение о месте и роли эпоса в традиционной культуре, то есть его прагматика, а также и его основное содержание. Вот почему любое изменение в трактовке этого параметра неизбежно влечет за собой не локальные, а существенные сдвиги в понимании нартовской эпопеи в целом. В проверке данного предположения и будет заключаться основное содержание настоящей статьи.

Государственный этап эпопеи

Общепринятым решением проблемы стадильности осетинской Нартиады можно считать вывод В.И. Абаева, полагавшего, что вместе с переходом от традиционного родового уклада к феодализму эпос прекращает свое естественное развитие. Выдвигая это заключение, он различает несколько фаз, через которые обычно проходит эпос в своем становлении. Первая фаза – «разрозненные, ничем между собой не связанные сказания, возникающие в разных центрах, в разное время, по разным поводам». Так подготавливается материал, который при благоприятных условиях может принять черты эпоса.

Затем эпос переходит в фазу циклизации, когда вокруг любимых героев, событий и мотивов образуется несколько эпических узлов или циклов. Третья, заключительная, фаза заключается в гиперциклизации, когда не связанные между собой циклы соединяются в одно последовательное повествование, в единую эпопею [1, 151]. В итоге, с точки зрения фольклористики, следует вывод о том, что Нартиада не дошла до третьего этапа – целостной эпопеи. Действительно, именно таковым было состояние Нартиады во второй половине XIX в., когда еще существовала так называемая этнографическая эпоха, и когда было положено начало ее систематическому сбору и научному изучению.

Казалось, что этот вывод находит подтверждение и в исторических данных: эпос принято трактовать как дофеодальный, остановившийся в своем развитии на этапе военно-демократическом, т.е. догосударственном. Основным этапом формирования эпоса Абаев считает характерную для сарматской эпохи стадию военной демократии, дружинный быт и героику набегов за богатой добычей, которой, как правило, выступает скот. В этом случае в центре эпопеи оказываются такие видные нарты, как Урузмаг, Хамыц, Батрадз, Сослан, Сырдон и другие, которые относятся к среднему поколению и вокруг которых образуются эпические циклы. Абаев пишет: «Нартовское общество еще не знает государства. Для него характерны черты родового строя (фамильная организация) с заметными пережитками матриархата (образ Сатаны)» [1, 215]. При этом он допускает, что зримым воплощением наступления эпохи государственной идеологии выступают небожители с византийскими христианскими именами, тогда как

средоточием родового духа свободы и непокорности выступал нарт Батрадз – любимый герой осетинской версии Нартиады, вступивший в смертный бой с небожителями. Хотя он и погибает в этой борьбе, в целом удается хорошо вписать этот конфликт в рамки борьбы между демократической свободой, героическим пафосом и богатырским духом, пронизывающими сказания, и идеологическим государственным гнетом. Тем самым главный вывод о том, что развитие Нартиады остановилось на этапе циклизации, получает и историческое обоснование, так что нартский эпос представляется как догосударственный.

В качестве иллюстрации устойчивости подобного подхода в осетиноведении можно указать на недавнее исследование Р.Ф. Фидарова, который вносит в изложенную выше точку зрения существенные коррективы. Центральным для рассматриваемой проблемы он считает не «видных нартов», а образ «юного эпического героя, воссоздающего земное царство (средний мир) после деградации и падения общества золотого века». Эпос, действительно, знает целый ряд подобных героев, играющих при этом второстепенную роль по отношению к своим более зрелым и опытным товарищам. В основе этого собирательного образа он видит реконструированный В.Н. Топоровым основной миф индоевропейской мифологии, связанный с новогодними обрядами. Он ссылается на представление, согласно которому они призваны отвести угрозу хаоса от космоса, восстановить гармонию в мире. Подобная связь, по его мнению, достаточно надежно выявляется и в осетинской традиции. Однако в данном случае в основном мифе он выделяет, прежде всего, нормативный прецедент, поскольку восстано-

ленный эпическим героем мир уже не мир золотого века, но мир эпический. На его взгляд, в этом обстоятельстве ярко обнаруживает себя мировоззренческое значение основного мифа как переходного от эпохи мифологической и космогонической к эпохе эпической и героической. Подводя итог, он заключает: «В социальном плане этот переход знаменует распад родоплеменных отношений и наступление стадии военной демократии и так называемого дофеодального периода» [2, 14]. Речь, как видим, вновь идет о двух этапах развития эпоса: мифологическом и эпическом, когда последний отождествляется со стадией военной демократии, предшествующей феодальному периоду.

Между тем, как уже было сказано, сегодня исследователи получили в свое распоряжение историческое свидетельство, вынуждающее поставить под сомнение общепринятую трактовку стадийности. Веским основанием для ее пересмотра могут быть сведения «Хронографа» (груз. «*Жамтаагмцерели*») – «Столетней летописи» XIV в., содержащей упоминание эпизода из истории осетин. Так, в числе прочего, летопись повествует о переселении большой группы осетинских феодалов со своими военными дружинами в Карталинию в начале 60-х гг. XIII в. Это переселение явилось следствием ожесточенных войн между Золотой Ордой, владевшей Северным Кавказом, и Синей Ордой (или ильханами), в состав которой входил Южный Кавказ. Особую ценность представляет упоминание о бегстве в Грузию аланской царицы с двумя малолетними сыновьями – Пареджаном и Багатаром. Ю.С. Гаглойти, первым разобравший этот пассаж, обратил внимание на упоминаемую в хронике идентичность правящего рода нартов и царствующей фамилии Осетии XIII в. [3,

13] Действительно, в сообщении содержится указание на то, что эта династия носила фамильное имя Ахсартаггата, в грузинской передаче *Ахсартагани* [4, 185]. Таким образом, не остается сомнений в том, что аланская царствующая династия считала себя потомками нартовского рода Ахсартаггата.

Следует также заметить, что согласно исследованиям Гаглойти, воинский род Ахсартаггата известен практически во всех национальных версиях нартовского эпоса [3, 18-19]. Он справедливо замечает, что в карачаево-балкарской версии, обнаруживающей согласно наблюдениям наибольшую близость к осетинским в силу аланского субстрата, этот род представлен под именем Схуртуковых. В литературной обработке кабардинских сказаний упоминаются «чужеземные нарты» – братья Шоген и Хамиш Ахсартуко, именуемые также «сыновьями и потомками Ахсарта». В ингушских же сказаниях имя Орстхой-Орхустой является синонимом нартов, также убедительно сопоставимым с родом Ахсартаггата. Более того, он справедливо указывает на то, что имя нарт-орстхойцев неотделимо от этнонима орстхойцев – карабулаки, одного из вайнахских родов, насчитывающего примерно 13-14 поколений и сохранявшего до недавнего времени свою этническую индивидуальность. В них ученый предлагает видеть группу алан, растворившихся в вайнахском окружении. Приведенные сведения указывают на то, что предлагаемый подход к решению проблемы стадийности нартовской эпопеи, в основе которого совпадение эпического рода Ахсартаггата и исторической аланской династии, должен носить универсальный характер, в равной степени принимающий в расчет все национальные версии и одинаково значимый для них.

В свете сказанного представляется возможным ставить вопрос о том, что в своем развитии нартовский эпос все-таки достиг государственного этапа. В этом случае эпопея обретает иное смысловое ядро, обеспечивавшее ей внутреннее единство, утраченное вместе с потерей государственности. Тем самым удалось бы перейти от разрозненного и фрагментарного рассмотрения эпопеи к ее целостному прочтению. При этом для верного понимания предполагаемой историко-культурной ситуации следует отказаться от эволюционизма как представления о поступательном и однолинейном развитии исторического процесса. Осетинский исторический путь, как уже надежно установлено, содержит «откат» назад, связанный с имевшей место в Средние века утратой государственных институтов, которая привела к «архаизации» историко-культурных параметров жизни социума. Первым к подобному выводу пришел видный историк З.Н. Ванеев [5, 207], позднее его идея была поддержана и развита его коллегами [6, 130]. Сочетание в историко-культурной традиции осетин архаических элементов и развитых средневековых категорий и элементов следует, по-видимому, считать ее важнейшей типологической особенностью.

Если выдвинутое предположение действительно имеет под собой серьезные основания, то в эпосе должны оставаться следы исторического средневекового правителя, то есть аланского феодального царя, происходящего из династии Ахсартаггата и олицетворяющего собой государственный этап в развитии Нартиады. В выявлении этого образа и заключается основная задача настоящего исследования. При этом в центре внимания находится эпическая адаптация этого предполагаемого

исторического персонажа, условия и механизм ее протекания, а также ее локализация в пространстве и времени. Знаменательно, что персонаж, который бы мог претендовать на роль фольклорного прототипа такого исторического деятеля, в эпосе действительно представлен, это – нарт *Ķelæxsærtæg*. Однако историческая подоплека этого эпического персонажа не является самоочевидной и потому ее выявление неизбежно потребует преодоления серьезных препятствий различного свойства.

Феодальный правитель

Образ Хизова сына нарта Челахсартага давно попал в поле зрения исследователей. Центральным для него является эпический сюжет «Об осаде крепости Хиз и женитьбе Сослана» [1, 176, 180, 228-229]. Он – отец красавицы Бедухи, к которой настойчиво сватается один из славных нартов, Сослан, готовый любой ценой добиваться ее благосклонности. Нельзя, однако, не упомянуть и того, что эпический *Ķelæxsærtæg* наделяется отрицательными чертами, противоречащими воинскому идеалу, которые предлагается объяснить свойствами его характера. Все же, несмотря на нелестную характеристику, он мог бы стать эпическим воплощением исторического правителя. В пользу этого выбора есть достаточно оснований, которые надлежит рассмотреть.

Для понимания присущей этому образу противоречивости было предложено исходить из его эволюции от «доблестного воинского рода» Ахсартаггата к роду «трусливых богачей» Бората. Напомню, что в рамках теории Ж. Дюмезиля в нартовском эпосе имеет место борьба между тремя фамилиями, воспроизводящими известное сословно-кастовое деление индоиранского общества на жрецов / мудрых, воинов /

смелых и общинников / богатых. В этой связи Ю.А. Дзиццойты пишет: «Обратим внимание на поведение Челахсартага, позорно бежавшего от столкновения с Сосланом и укрывшегося в своей неприступной крепости. Он боится даже спуститься взглянуть на труп своего врага. Одним словом, перед нами трус с эпитетами героя» [7, 77]. Отсюда следует вывод, что его конфликт с Сосланом должен быть интерпретирован как «Сильные против Богатых». Исследователю представляется, что нартовский эпос не усвоил деление на социальные группы, соответствующие сословному устройству феодального общества. Все феодалы приравнивались к членам касты богатых земледельцев и скотоводов. Имя Челахсартага стало нарицательным, поскольку во всех крепостях и твердынях, реально существовавших или не существовавших, оказывается именно он [7, 78-79]. Как видим, развитие образа рассматривается в плоскости синхронии как движение внутри социума по горизонтали из одного нартовского рода к другому. Между тем, возможен и другой взгляд на эволюцию образа, когда развитие будет проходить в плоскости диахронии как своего рода деградация социального статуса по вертикали.

Исходя из данных эпоса, систематизированных исследователями, можно сделать вывод, что он, безусловно, занимает в нартовском обществе высокое социальное положение. Наиболее подробно с лингвистической точки зрения этот образ был не так давно проанализирован Дзиццойты, сделавшим ряд ценных заключений. Так, согласно некоторым сказаниям, ему отводится роль предводителя нартов – *narty ældar*. Вместе с тем, его можно надежно связать с династией Ахсартагата, поскольку в различных вариантах его имени

– *Āelæxsærtæg, Āelæxsar, Āelæxsærtan, Āelæxsan, Āilæxsærton, Gelæxsærtæg, Gelæxsærton, Jelæxsærđton, Telæxsæn* – уверенно распознается корень *æxsar*. В первой части, *Āel-*, Дзиццойты предлагает, вслед за Х. Бейли, видеть древнеиранское **čarya-* ‘воинственный’ [7, 74-76]. Сюда же примыкают и другие характерные для него эпитеты: *xæston* ‘боевитый’, *ævzyğđ* ‘проворный, смелый’, *saq* ‘бравый’, *sgwyxt* ‘прославленный’, также вполне приличествующие царю. К тому же, как и подобает феодальному правителю, он занимает обособленное положение, став родоначальником новой нартовской фамилии *Āelæxsarataæ, Āelæxsækkataæ*. Вместе с тем, что немало важно, согласно данным эпоса он является хозяином Хизской крепости. Отсюда, помимо собственного имени, у нашего героя есть еще и прозвище – *Xyzy fyrđ* ‘Хизов сын’ [7, 75]. Приведенное прозвище также следует считать весьма информативным, поскольку оно позволяет осуществить его географическую и историческую привязку, ясно указывающую на месторасположение резиденции средневековых аланских царей.

Вместе с тем, следует сделать оговорку, что указанное фонетическое сходство его имени с родом Ахсартагата не является абсолютно точным. В качестве исходного можно, скорее всего, предполагать имя младшего из сыновей-близнецов старшего из нартов Уархага – Ахсартага, которое стало патронимом всего воинского рода. В результате возможно разделение рассматриваемого имени на три части. В первой части – уже упоминавшееся *Āel-* ‘воинственный’, тогда как третьим элементом мог бы быть один из двух излюбленных осетинских суффиксов *-æg* или *-on / -an*. Однако значительная вариативность корня этого трех-

составного имени, его фонетическая «размытость», указывает, вероятно, на его вторичный характер. Нельзя не отметить и его смысловую неопределенности: «бравый Ахсартаг». Весьма продуктивным в этом отношении оказывается обращение к национальным версиям Нартиады, где этот персонаж также представлен.

Примечательно, что в адыгском эпосе он также является владельцем крепости, носящей его имя – «крепость Джилахстана». Его имя также имеет ряд вариантов: *Чилахстан*, *Челахстен*, *Джилахстан*, *Чэлэхъсэт*, *Чэлэхъэт*, *Льэхъстэн*, *Келэхъстэн*, *Келэс Хъэртэн* [7, 74-76]. Вместе с тем, как отмечает Дзиццойты, и по происхождению, и функционально с этим именем связано карачаевское *Гиляхсыртан* – имя хозяина Чуанской крепости. Изучая происхождение этого антропонима, в качестве одной из возможных версий Х.М. Акбаев предлагает видеть в его основе корень *тархан* ‘правитель’ [8, 81-82]. Примечательно, что в карачаево-балкарской версии он также наделяется отрицательными чертами, поскольку нередко его имя употребляется с постоянным эпитетом «ачы тилли *Гиляс-тархан*», т.е. «злоречивый *Гиляс-тархан*». Вот почему одним из возможных толкований этого сложного имени Акбаев считает следующее: *Гилли* «злоречивый» + *яс* «ясский» + *тархан* «правитель», т.е. «злоречивый асский тархан», когда эпитет раскрывает внутреннюю семантику собственного имени.

В результате можно предполагать имевшую место контаминацию двух имен: Ахсартаг(н) и Астархан. Решающую роль при этом следует отнести не фонетике, которая, безусловно, способствовала их контаминации, но семантике, поскольку в этом случае удавалось решить ключевую для правящей дина-

стии социально-историческую задачу – обеспечить ее связь с мифологической эпохой. В поддержку подобного предположения можно не только сослаться на то, что в осетинской традиции до недавнего времени бытовало мужское собственное имя Астархан, но также и на данные самой эпопеи. Уже было обращено внимание на имя известного в эпосе второстепенного персонажа, состоящее из парного сочетания: Уархаг и Тархаг [9, 82]. Оно было возведено к скифской эпохе, когда *Тархаг* трактуется как имя родоначальника скифов Таргитая, а *Уархаг* представляется его эпитетом [7, 248-249]. Между тем, будучи иранским по своему происхождению, то есть исконным, и безусловно возводимым к скифскому **tarxān* ‘судья’ оно вполне могло быть сопряжено с известным историческим собственным именем хазарских правителей *Tarxan* в значении ‘привилегированное лицо’, ‘господин’ [10, 276-277]. Для вторичной адаптации в аланской среде оно и получает эпитет *Ас-*, указывающий на его этническую привязку, т.е. «асский». Образованная им пара с именем Уархага позволяет соотнести его с мифологической династией Ахсартагата, основоположник которой, Ахсартаг, является одним из сыновей-близнецов Уархага. С этой точки зрения образ мифологического царя можно достаточно надежно видеть в Уархаге, которому сам эпос отводит роль вождя нартов – *Нарты хистаер*. А историческим царем можно считать нелюбимого нартами Челахсартага, называемого *Нарты æлдар*.

Следующим шагом могла бы стать идентификация исторического прообраза эпического героя. Представляется весьма вероятным, что за образом эпического Челахсартага, владельца Хизской крепости, скрывается известный исторический царь овсов Худдан

[5, 87]. Важнейшим аргументом в пользу подобного отождествления, помимо его географической привязки, может стать имя дочери Челахсартага – Бедуха. Не претендуя на лавры первооткрывателя, замечу, что это имя без каких-либо натяжек может трактоваться как неизбежное для устной традиции просторечное искажение имени дочери царя Худдана – Бурдухан, бывшей, согласно историческим свидетельствам, матерью грузинской царицы Тамар. Так, благодаря дочери Челахсартага, эпический сюжет о сватовстве Сослана получает надежную хронологическую привязку, поскольку историческая Бурдухан была женой грузинского царя Георгия III (1156-1184). В свете предложенной версии эпический царь Челахсартаг отказывается выдавать ее за одного из нартов, то есть одного из своих, по той причине, что рассчитывает с ее помощью заключить внешнеполитический брак, чтобы укрепить свои позиции на международной арене. Против подобного династического брака и выступают нарты, поскольку он ведет к усилению центральной власти не только на внешнеполитическом уровне, но также и внутривластном, препятствуя феодальной раздробленности.

Заключение

Проведенное исследование показало, что свидетельство об идентичности аланской царской династии и воинского эпического рода Ахсартагата, которое сохранила для нас грузинская средневековая хроника, действительно позволяет поставить под сомнение основополагающую для методологии изучения эпопеи общепринятую трактовку стадильности. Теперь помимо родоплеменного (мифологического) и военно-демократического (героическо-

го) в число этапов развития нартовского эпоса можно уверенно добавить также еще один – феодальный (исторический). В этом случае фазу циклизации, на которой застали Нартиаду ее исследователи и собиратели в конце позапрошлого века, следует считать не *до*-, а *пост*-государственной. Тем самым складывается представление об эпопее как изначально целостной структуре, тогда как циклизация может быть следствием имевшего место в истории Осетии-Алании социального отката в Средние века, когда вместе с утратой раннеклассового государства были утрачены достигнутые уровни социально-исторического развития. В результате историческая составляющая эпопеи оказалась предельно ослаблена, а мифологическая, напротив, стала доминирующей. Знаменательно, что этот вывод остается в силе для всех национальных версий Нартиады.

Следует предполагать, что с социально-исторической точки зрения эпос мог использоваться как средство легитимации власти аланской правящей, т.е. исторической, династии, что обеспечивало ей преемственную связь с мифологической эпохой и давало необходимое идеологическое обоснование господствующего положения в обществе. Эпической фигурой, совместившей в своем образе мифологического и исторического царя, следует считать нарта Челахсартага. С одной стороны, в его имени распознается связь с родоначальником воинского рода Ахсартага, представляющего мифологическую эпоху. С другой стороны, он носит титул исторического средневекового правителя Ас-Тархана. Благодаря имени его дочери (Бедуха), которое может рассматриваться как просторечный вариант имени Бурдухан, он может быть отождествлен с аланским царем Худданом.

В конечном счете, поскольку за фольклорной завесой уверенно распознаются исторические персонажи из аланской правящей династии, Нартиада также представляет собой своего рода «Книгу царей», что позволяет ставить ее в один ряд с персидским эпосом «Шахнаме» [11, 153]. Вместе с тем, следует полагать, что в дальнейшем удастся идентифицировать и других потомков династии Ахсартаггата, представленных в нартовской эпопее, восстанавливая содержание во многом позабытого и потому пока еще малоизученного исторического / государственного этапа ее развития.

-
1. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С. 142-242.
 2. *Фидаров Р.Ф.* Традиционная идеология и мировые религии в средневековой Алании: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011.
 3. *Гаглойти Ю.С.* Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 11-35.
 4. *Гаглойти Ю.С.* Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.
 5. *Ванеев З.Н.* Средневековая Алания // Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвал, 1989. Т. I. С. 147-275.
 6. *Тменов В.Х.* Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 113-134.
 7. *Дзиццойты Ю.А.* Нарты и их соседи: географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.
 8. *Акбаев Х.М.* Толковый словарь некоторых имен и терминов нартовского эпоса. Ставрополь – Черкесск, 2010.
 9. *Нарты таураегътае æмæ хабæрттае.* Цхинвал, 1973. (на осет. яз.)
 10. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1979. Т. 3.
 11. *Абдоллахи М.* Число как символика культурного кода в Шахнаме и нартовском эпосе осетин // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 29 (68). С. 152-161.